

Раздел 3 ЗА-ТЕКСТ КАК РЕЦЕПЦИЯ И СО-ТВОРЧЕСТВО

Глава 1. Александр Блок за гранью лирики

DOI 10.15826/B978-5-7996-3520-6.21

Поэтический Серебряный век не стал для Александра Блока всепоглощающим. Финансовые трудности заставили значительно расширить диапазон интересов и периодически выходить за пределы художественного творчества. Он плодотворно вел дела с разными издательствами, воодушевленно занимался библиографией, текстологией, комментированием. Так, в 1914 г. «...охотно принял предложения собрать и подготовить стихи... Аполлона Григорьева. Он погрузился в эту кропотливую работу, взявшую много сил, но и доставившую много радости»¹. Сведения, обретенные в библиотеке Академии наук, дали основу не только для выполнения порученного задания, но и написания ярких статей об Аполлоне Григорьеве, в чем-то близкому поэту по мироощущению. Аккуратность и склонность к систематизации этому способствовали.

Язык Александра Блока весьма разнообразен, стилистические оттенки подчинялись жанрам и жизненной ситуации. Государственная и общественная служба² заставила освоить еще один вид фиксации и перекодировки картины мира – деловой. Тонкую настройку блоковского слова сообразно ракурсу событий неоднократно отмечали исследователи. Подобная способность художника адаптировать свое письмо и жизнь под предлагаемые обстоятельства поддерживала его в стремлении

¹ Орлов В. Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. С. 543.

² Подробные хронологические сведения о служебной деятельности А. Блока описаны в книге Е. В. Ивановой: *Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни*. М., 2012.

к упорядоченности, вписывала в классический принцип необходимости и уместности (или, говоря в категориях Аристотеля, – «этоса») совершаемого акта. Художественный стиль сменился на официально-деловой, образ символистского человека-артиста – на имидж дисциплинированного клерка. Ведение дел в быту, которым так или иначе занимается каждый человек, отличается от служебного делопроизводства, которое требует не просто особых знаний и определенной самодисциплины, но и владения специальными навыками деловой коммуникации. Блоку пришлось профессионально освоить различные системы оформления и систематизации официальных документов, вести обширную деловую переписку.

На этапе официально-деловой фиксации факта Блок был педантичным делопроизводителем, не отступавшим от жанровых канонов документов, и строго следовал установленным в их ведении приемам³. Как подмечено исследователями, «сверхценные идеи... всегда присутствовали в любом деле, за которое брался Блок...»⁴. Его отношение к службе было подчинено все тому же универсальному стремлению обуздать хаос, которое было его органическим свойством, желанию выявить главное русло, организовать иерархию и последовательность в происходящем. Поэтому любая рутинная «канцелярщина» у него подсвечивалась универсальными проектами. По сути, этот подход вписывался в принципы символистского жизнетворчества, в котором большое значение придавалось переднему предметному ряду, реальной жизни, с нее начинались этапы символического «снятия смыслов», возрастание абстрагирования до чистых идей. Документы были одним из начальных этапов, материальной основой на этом пути: «Декреты большевиков – это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки»⁵. Но если в художественном творчестве преодоление хаоса мыслилось на метафизическом и метафорическом уровне, то в сфере делопроизводства Александр Александрович подчинял себя строгим формальным правилам официального стиля, установленным

³ Мочульский К. В. Александр Блок. Париж, 1948. С. 395.

⁴ Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. С. 240.

⁵ Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л., 1960–1963. Т. 8. С. 8.

нормам поведения, требуя того же от сослуживцев. Любовь к порядку предполагала четко отлаженные целостные системы вокруг, в том числе в устройстве служебных официальных структур, которые в основе своей немислимы были без документа как правового фундамента любого начинания, а также без четкой организации. Возможно, это была тоже одна из граней жизнетворческого пути – видеть всю целостность задачи, от жизненного явления, скрытого за форматом канцелярского документа, до конечной отвлеченной идеи.

Служба в армии

Вероятно, первый опыт делопроизводства Блок приобрел в годы Первой мировой войны: 7 июля 1916 г. 36-летнего поэта призвали на службу в инженерную часть Всероссийского земского союза. С самого начала отношение к войне было негативное. В числе немногих литераторов (вместе с М. Горьким и В. Г. Короленко) он отказался от сотрудничества с ура-патриотической газетой «Русская воля», несмотря на обещанные большие гонорары. Это был идеологический проект, задуманный правительством и департаментом полиции для пропаганды войны и предотвращения революционного движения. Блока раздражали фальшь и наигранное оживление собратьев-литераторов: «Одни кровь льют, другие стихи читают».

Но особенно пугал поэта неустроенный фронтовой быт. Поэтому, прибыв на Белорусский фронт, он всеми силами стремился обустроить свою жизнь. С июля 1916 г. до февраля 1917 г. он был табельщиком 13-й инженерно-строительной дружины Союза земств и городов. В обязанности входила как полевая, так и конторская работа: первую половину дня он на объектах контролировал военно-строительные работы, а вторую – сидя за столом заполнял таблицы и составлял отчеты. Под его началом находилось две тысячи человек. Несмотря на скудость информации о непосредственной работе Александра Александровича с фронтовыми документами, которые он «строчил в конторе», можно сделать вывод о том, что он имел дело в основном с организационными документами, хотя, поскольку в его подчинении было большое количество людей, он не мог обойтись и без распоряди-

тельных бумаг. Это было время и место, где система документооборота была довольно условной. Он много писал о невразумительной организации военного делопроизводства, известны его высказывания о депрессивном настроении и полном неприятии происходящего. Можно предположить, что именно невозможность обуздать организационный беспорядок, «уловить в происходящем цельность и высшую логику»⁶ были причиной недовольства Блока своей деятельностью. Не будучи ура-патриотически настроенным, он относился к работе в дружине лишь как способу избежать службы на передовой, что было единственным оправданием этой работы, которую он считал абсолютно бессмысленной.

В письме от 4 сентября 1916 г. он делился с матерью: «Я озверел, полдня с лошадьё по полям и болотам разъезжаю, почти невымытый; потом – выпиваем самовары чаю, ругаем начальство, дремлем или засыпаем, строчим в конторе, иногда на завалинке сидим и смотрим на свиней и гусей»⁷.

По стечению обстоятельств, наблюдать Блока в необычной роли выпало другому художнику – Алексею Николаевичу Толстому. В статье он описал свою поездку на прифронтовую полосу с одним из проверяющих генералов: «Меня провели в жарко натопленный домик, где стучали дактилографисты, и побежали за заведующим. Через несколько минут, запыхавшись, вошел заведующий, худой, красивый человек, с румяным от мороза лицом, с заиндевевшими ресницами. Все, что угодно, но я никак не мог ожидать, что этот заведующий окопными работами – Александр Блок. Он весело поздоровался и сейчас же раскрыл конторские книги. <...> Когда я спросил, пишет ли он что-нибудь, он ответил равнодушно: «Нет, ничего не делаю»»⁸.

Несмотря на низкую оценку своей роли в инженерно-строительной дружине, которую Блок называл «валянием дурака», сослуживцы в письме, адресованном на новое место работы, куда он переводился, отозвались о ней чрезвычайно высоко.

⁶ Быстров В. Н. Между утопией и трагедией. Идея преображения мира у русских символистов. М., 2012. С. 29.

⁷ Блок А. А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 359.

⁸ Впервые очерк был опубликован в парижской русскоязычной газете «Последние новости» (1921, 21 авг.).

В книге В. Н. Орлова приведены это письмо и ироничный отзыв Блока на него: «Исполнительная комиссия дружины, выражая свое глубокое сожаление по поводу утраты из своей среды редкого по своим хорошим качествам товарища, считает, что призыв Ал. Блока в состав Верховной следственной комиссии является залогом к тому, что ни одна деталь в его новом ответственном деле не будет упущена, и если состав Верховной следственной комиссии будет пополняться такими людьми, то революционная демократия должна быть спокойна и уверена в том, что изменники и деспоты отечества не избегнут справедливого приговора народного Правосудия».

«Лестно, но глупо», – заметил Блок по поводу этого горячего, но не слишком складного письма⁹. Несмотря на корявый стиль послания, его авторы верно отметили характерные деловые черты Блока – аккуратность, скрупулезность, добросовестность. Добротность и прочность отличали и военно-инженерные сооружения, которые были построены под началом Блока: они служили впоследствии укрытиями белорусским партизанам во время Великой Отечественной войны. В память об этой странице его биографии 16 ноября 2007 г. в Брестской области, в деревне Лопатин одну из новых улиц назвали именем Александра Блока.

Оказавшись близко к событиям Первой мировой войны, в том числе и через документы, Блок обрел свое понимание современности. В войне он увидел прежде всего социальную симптоматику («В закатной дали / Были дымные тучи в крови»). Называя войну «глупостью, дрянью», «бестолочью идиотской», он считал ее «достойным концом той лжи, грязи и мерзости, в которой купалась наша родина»¹⁰. Выводы носили универсальный и неутешительный характер: «На исходе 1916 г. все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. <...> Главный толчок к развитию болезни дала война»¹¹.

⁹ Орлов В. Н. Гамаюн. С. 558–559.

¹⁰ Блок А. А. Собрание сочинений. Т. 6. С. 10.

¹¹ Блок А. А. Последние дни императорской власти. М., 2012. С. 5.

Блок – секретарь Чрезвычайной следственной комиссии

В марте 1917 г. поэта перевели из дружины и назначили секретарем Чрезвычайной (или Верховной) следственной комиссии, только что учрежденной Временным правительством для расследования противозаконных по должности действий царских министров и других высших чиновников.

Вероятно, сама идея создания такого органа была для поэта понятным этапом в общей последовательности событий. Работа комиссии была инициирована А. Ф. Керенским, бывшим министром юстиции царского правительства, занявшим ту же должность и во Временном правительстве. Как юрист, он пытался дать правовую оценку государственному устройству последних двенадцати лет, приведшему Россию к перевороту, а также придать проводимому расследованию законность. Состав комиссии был солидным, высокопрофессиональным. Ее устроители изначально задумывали не судилище, а именно тщательное исследование обстоятельств, приведших монархию к краху. Причем для концепции всего расследования важным было соблюдение судебной этики. Когда встал вопрос, по каким законам судить царских чиновников – по прежним, монархическим, или же постреволюционным, то было решено придерживаться прежнего законодательства, при котором проходила деятельность заключенных. Председателем комиссии был известный московский юрист Н. К. Муравьев, в ней состоял целый штат следователей и экспертов. В состав ее вошли академик-востоковед С. Ф. Ольденбург, историки П. Е. Щеголев и Е. В. Тарле, сенатор С. В. Иванов, прокурор Б. Н. Смитсон, военный прокурор В. А. Апушкин, кадетский деятель Ф. И. Родичев.

Следящий внимательно за происходящим Блок видел во всем большую историческую значимость. Потому когда 7 мая 1917 г. он получил предложение сменить должность секретаря на должность редактора стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии, он с воодушевлением его принял. Редактируя стенограммы и участвуя в допросах крупнейших царских сановников, Блок предполагал не просто упорядочивать допросные материалы, но и ожидал погружения в тайны русской истории и постижения ее скрытых механизмов. Его рукой

сделаны на полях протоколов пометы, помогающие выстроить логику следственных действий и точнее понять роль допрашиваемых. При этом он окунулся в «ушаты помоев, нечистот, всякой грязи, колоссальной помойки» (письмо жене от 11 мая 1917 г.). Прогнившая власть, по мнению Блока, пала только из-за войны, внутренних же ресурсов для кардинальных изменений не было. В записной книжке 25 мая 1917 г. поэт напишет: «Безвластие сверху уравновешивалось равнодушием снизу. Русская власть находила опору в исконных чертах народа. <...> “Революционный народ” – понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и “чудом”; скорее просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. На знаю, была ли революция? Все это – в миноре»¹².

Несмотря на то, что в полномочия комиссии не входили допросы царской семьи, подспудной целью всего процесса был также и ответ на вопрос, поставленный еще первого ноября 1916 г. в думском выступлении П. Н. Милюковым, будущим министром иностранных дел Временного правительства, о роли царской семьи в сложившейся ситуации: «Глупость или измена?» Никто из допрашиваемых не назвал в числе виновников царя, считая его пассивной фигурой в данных обстоятельствах. Блок в дальнейшем не внес дополнительных оценок в представление о подобной роли царя и его семьи.

Работа комиссии была засекречена. Стенограммы допросов оформлялись как канцелярские документы, жанр которых предполагал, с одной стороны, формальное описание процессуальных действий, обеспечивающих юридическую полноценность показаний, а с другой – обращенность к событийной канве совершенных деяний. Пытаясь выявить в признаниях ведущих российских политиков основной вектор истории, Блок добросовестно редактировал стенограммы допросов, выполняя свои обязанности тщательно, как все, что он делал, добавляя для себя портретно-психологические зарисовки. 17 мая 1917 г. он отмеча-

¹² Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 115–116.

ет в записной книжке: «Я вижу уже, что следственная комиссия стоит между наковальной законом и молотом истории...» Допросы по семистам делам велись либо в Зимнем дворце, либо в Петропавловской крепости. Было допрошено 59 чиновников, среди которых было 20 министров. Далеко не все дела дошли до суда. Если арестованные помогали следствию, их отпускали.

История государства и деятельность высших российских чиновников за последние 12 лет сворачивалась, упаковывалась в формальные протоколы, документировалась по необходимым требованиям. В обязанности Блока входило исправление несогласований и явных ошибок. Несмотря на сугубо редакторские рамки, порученное дело было необычным, носящим, по выражению поэта, «оттенок чрезвычайности», из-за чего он ощущал повышенную ответственность. Литературные редакторы, работавшие вместе с поэтом, обработали порядка 2 тыс. страниц допросных черновиков. Роль обработчиков была лишь редакторской, они не вправе были вмешиваться в содержание. Тем не менее сознание важности как содержательной стороны, так и чисто формальной требовало сосредоточенности, и Блок отдается полностью выполнению этой работы.

Стараясь разобраться в современной истории, Блок пытался убедить себя в том, что весь старый уклад – «один сплошной мираж», вот почему ему так хотелось проверить это настроение на непосредственном опыте. Но, к своему разочарованию, поэт увидел не просто мираж, но «тень от тени», пустое место.

Стенограммы допросов изначально предполагались еще и как важные исторические свидетельства, предназначенные впоследствии для печати. Документы действительно были переработаны в другие жанры. На основе стенограмм допросов Блок подготовил материалы к отчету Чрезвычайной следственной комиссии, кроме того, написал очерк, а затем книгу «Последние дни императорской власти»¹³.

Книгу «Последние дни императорской власти» завершают шесть приложений, куда Блок вынес несколько документов, ко-

¹³ Очерк «Последние дни императорской власти» впервые напечатан в 1921 г. в журнале «Былое» (№ 15, помечен 1919 г.) под заглавием «Последние дни старого режима». Затем в 1921 г. вышел отдельной книгой в издательстве «Алконост».

торые, по его мнению, в совокупности отражают причины, способствующие революционному слому государственной власти. Дается срез мнений людей из ближайшего окружения царя.

Первым помещена подборка писем великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. – 4 февраля 1917 г. Александр обращает внимание Николая на сложившуюся ситуацию: «Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»¹⁴.

Блок отмечает недостаточную освещенность роли элиты как своеобразной властной институции, представленной монаршей семьей, члены которой занимали ведущие военные и государственные посты. Несмотря на семейную систему правления, между великими князьями не было единства, они соперничали друг с другом. «По сути, будучи политической элитой того времени, родственники оставались в тени событий революции 1917 года. И выяснилось, что роль великих князей и княгинь в политической жизни Российской империи в период правления последнего императора Николая II (с 1894 по 1917 г.) – сложная и многогранная проблема»¹⁵.

Но если при более жестких царях разногласия монаршей семьи не выходили в публичное пространство, то при мягкотелом Николае II и в кризисной для страны ситуации они стали очевидными. В 1916 г. в царской семье наметилась «оппозиция», получившая название «великокняжеской фронды». В правящей элите все явственнее проступали признаки распада. «...Великий князь Павел говорил, что в царской семье не перестают все ссориться, никто царя не боится. Великие князья плодят недовольных, желающих конституции»¹⁶. Блок уловил кризис системы семейного правления. В стране происходил процесс подготовки новых управленческих кадров: при сохранении значительной части дворянства, появлялось все больше разночинцев.

Блок вынес в свою книгу письма именно Александра Михайловича, как наиболее полно и точно отражающие состояние верхов российского общества. Великий князь предлагал

¹⁴ Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 80.

¹⁵ Мартинчук Н. А. Великие князья в великую российскую революцию. URL: <https://school-science.ru/6/5/37366> (дата обращения: 23.06.19).

¹⁶ Там же.

ряд мер, направленных на демократизацию правления, ограничение монархической власти. Им дана оценка текущему состоянию российского правительства: «...ни один министр не может отвечать за следующий день, все разрозненны; министрами назначаются люди со стороны, которые никаким доверием не пользуются и, вероятно, сами удивляются, что попадают в министры, но так как людей честных вообще мало, то у них не хватает смелости сознаться перед Тобой, что они не способны занимать посты, на которые назначаются, и что их назначение для общего дела приносит только вред, их поступки граничат с преступлением»¹⁷.

Великие князья ратовали за создание конституции, формирование министерства доверия, очень много говорили Николаю о деструктивном влиянии Распутина. Его убийство стало политическим актом. Великие князья расценивали его как патриотический подвиг.

Второе и третье приложения содержат записку, составленную в кружке Римского-Корсакова. Тем самым Блок представляет документы, отражающие точку зрения консервативных кругов на ситуацию в государстве. Подобный ракурс добавляет объема к панораме собираемой поэтом картины происшедшего. Кружок назывался по имени хозяина петроградской квартиры черносотенца А. Корсакова, где собирались его единомышленники. Кружок работал в режиме строгой конспирации, здесь обсуждалась необходимость кадровой реорганизации и роспуска Государственной думы. О его деятельности стало известно в основном из протоколов допросов. В опубликованной Блоком записке по пунктам выдвигаются предложения по ужесточению цензуры, оказанию жесткого противодействия либеральным и протестным тенденциям в обществе. В третьем приложении, объяснительной записке к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова, категорически утверждается, что России нельзя давать конституцию: «*Народу мнение, а Царю решение*».

Четвертое приложение – письмо Н. А. Маклакова Николаю II, написанное во второй половине декабря 1916 г. В нем

¹⁷ Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 78.

корреспондент обвиняет Государственную думу в разрушении монархии и расшатывании уважения к власти.

Пятое приложение – протокол совещания членов прогрессивного блока с Протопоповым, устроенного на квартире М. В. Родзянко. Протопопову были выдвинуты обвинения в преследовании печати и общественных организаций, в связях с Распутиным, в игнорировании мнения Думы. История появления этого «документа» загадочна. Приводилась лишь примерная запись той встречи, которая на самом деле не фиксировалась стенографически. Это записанный устный пересказ одного из участников.

Шестое приложение – последний доклад М. В. Родзянко, в котором он высказывает царю мнение, что меры правительства подрывают к нему всякое доверие и только провоцируют скорейший народный бунт.

Приведя в систему и проанализировав огромный объем следственных документов, Блок создает аналитическую зарисовку переломного исторического этапа. Интерес к бесценному историософскому и психологическому материалу вскоре был утрачен, поскольку большевики расстреляли всех подследственных, независимо от степени их виновности.

Служба в Театральном отделе Наркомпроса

После Октябрьской революции, когда «власть большевиков сделала службу неотъемлемой частью всей интеллигенции»¹⁸, для поддержания материального достатка поэт вынужден был продолжать работать в разных организациях, что не всегда приносило радость или хотя бы удовлетворение. Опыт предыдущего делопроизводства пригодился Блоку в период его работы в Театральном отделе (ТЕО), являвшемся одним из девяти подразделений Наркомпроса РСФСР. Стояла цель приобщения широких масс к общемировому культурному наследию, большое значение при этом придавалось созданию нового революционного театра, формированию обновленного репертуара в рамках господствующей идеологии. Итогом деятельности отдела мыслилось создание перечня добротных пьес для советских театров, в связи с чем предпринимались разнонаправленные усилия.

¹⁸ *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 226.

Выполняя служебные обязанности по отбору и формированию репертуара советских театров, рецензированию пьес, Александр Александрович придерживался привычной для себя повседневной упорядоченности в делах, приходя в расстройство, если не встречал подобного отношения к делу у сослуживцев.

Известна переписка Блока с его секретарем Анастасией Генриховной Ларош, актрисой, дочерью известного музыкального критика, профессора Московской и Санкт-Петербургской консерваторий. Выросшая в атмосфере, далекой от скучного делопроизводства, но в связи с изменившимися условиями жизни вынужденная вступить в должность секретаря, Ларош была не расположена к такого рода деятельности. Она заняла место прежнего секретаря, аккуратно ведшего дела, но оказавшегося неудобным начальству. Блок приложил немало личных усилий, чтобы привести в порядок документацию своего ведомства и как-то психологически адаптировать сотрудницу к секретарской работе. Общаясь с ней как устно, так и эпистолярно, он оказался настоящим наставником и понимающим человеческую природу руководителем.

Из письма в письмо Блок твердил Анастасии Генриховне, что для нормальной работы нужно организовать порядок – начиная от интерьера кабинетов и кончая заполнением протоколов заседаний. Стремясь создать рабочую обстановку в деловом интерьере, в письме от 31 января 1919 г. он пытался через нее донести до коллег, что немыслима трудовая продуктивность в проходной комнате без необходимой мебели (столов), средств труда (печатной машинки): «Надо завести столы. Надо заседать в непроходной комнате <...> По-моему, прежде всего надо создать обстановку, которая бы облегчила работу нам весьма: добиться столов и машинки, устроить деловые комнаты»¹⁹.

Попутно Блок разъяснял должностные обязанности сотрудникам, например, подсказывал, как вести себя секретарю в текущих делах, что делать во время заседания для того, чтобы не упустить важных для протокола фактов: «Лучше прерывайте заседание, спрашивайте, кого знаете, не отставайте, пока не ответят Вам... Это не только пустая бумага, но безвозвратная по-

¹⁹ Там же.

теря работы, которая происходит в заседаниях»²⁰. Помимо фиксации происходящего на заседаниях, от секретаря требовался учет проделанной сотрудниками работы, о чем Блок упомянул в письме: «Когда выйдет “Репертуар”²¹, Вы увидите, что я сделал сводку всех работ Секции за 1918 год. Это – дело секретаря, и я надеюсь получить эту сводку от Вас для следующего номера “Репертуара”»²².

Работа секретаря контролировалась им постоянно и во всех аспектах, будто он поставил своей целью ежедневно и неотступно опекать Ларош: «Взяли ли статью Б. А. Пестовской? – Нашли ли рецензию Ремизова о “Распятии” Брагина? Кроме того, мне необходимы копии протоколов со всеми приложениями к ним (с 23 декабря)»²³.

Подробные и последовательные распоряжения являлись по сути пошаговыми должностными инструкциями:

«Очень прошу секретаря:

1). Проверить все сведения, заключенные в прилагаемом на 6-ти страницах.

2). Напечатать списки в нескольких экземплярах.

3). 1 экземпляр подать в Репертуарную Секцию в Москву.

4). 1 экземпляр дать в издательское бюро для сведений о корректурах»²⁴.

В архиве ИРЛИ имеется записка Блока, где он обращается к Ларош как секретарю Репертуарной секции, которая заседала 30 декабря 1918 г. и протокол заседания остался незаполненным. Блок делает замечание и просит все исправить. Обращение написано на бланке ТЕО, рядом с испорченным протоколом. Пытаясь восстановить содержание заседания, Ларош сделала записи карандашом, которые мало что меняли.

²⁰ Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. С. 226.

²¹ «Репертуар» – так назывался сборник, где помещался список пьес, который ТЕО составлял для постановки в народных театрах. После очередной реорганизации список оказался невостребованным.

²² Блок в театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса : Документальная хроника. Неизвестные письма и рецензии Блока / предисл. и публ. Е. В. Ивановой // Лит. наследство. М., 1993. Т. 92, кн. 5. С. 202.

²³ Там же. С. 199.

²⁴ Там же. С. 198.

Когда вскоре стало понятно, что требования оказались невыполнимыми, Александр Александрович резонно попросил секретаря воспроизвести события заседания в другом документальном жанре – дневниковом, подсказывая стиль написания и порядок интересующих его событий:

«Анастасия Германовна, я в отчаянии, этого исправить нельзя. Прошу Вас восстановить все это в форме дневника, больше ничего не остается. Вспомните, что сможете:

1). О чем я говорил с Горнфельдом (дело ведь в существе разговора).

2). В связи с чем возник вопрос о мелодраме? – и т. д.»²⁵

Но, поручив секретарю исправить материалы заседания, Блок, будучи по природе своей гиперответственным, и сам не прекращает попыток привести бумаги в порядок: «...Просмотрев все протоколы с 23 декабря, думаю, что переделать как в дневники можно, но трудно. Нельзя ли выправить? Во всяком случае, в таком виде они немыслимы. Предшествующие протоколы, кроме первого (это и все дальнейшие подчеркивания принадлежат А. Блоку. – Е. К.), также непонятны, мне сейчас некогда поправлять, может быть, Вы перепишите их все в духе моих правок. Не скрывайте от себя, что тут понадобится много часов работы, у меня даже на одни только заглавия ушло несколько часов»²⁶.

Блок следил за тем, чтобы протоколы заседаний соответствовали требуемой форме, т. е. содержали все необходимые для этого вида распорядительных документов жанровые параметры: фиксацию дат, реквизитов заседающей организации, обозначение присутствовавших, изложение рассмотренной повестки заседания, конспективные записи всего происходящего на этом собрании или заседании (рассмотренные вопросы, дискуссии), а также отдельным пунктом – перечисление принятых решений. Для Блока были очевидны управленческая и правовая функции протоколов, что придавало деятельности секции не просто весомость, но и смысл. Из переписки с Ларош становится понятным, что он требовал от секретаря так называемые «полные» протоколы, какие и полагались при не распорядительно-формальных,

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ Блок А. А. Письмо к Ларош А. Г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 654. Оп. 1. № 416.

а содержащих важные концептуальные выступления организационных заседаниях.

На момент начала XX в. в документоведческой классификации протоколы разделялись всего по двум основаниям – способу документирования и степени полноты записи хода заседания. По первому принципу протоколы подразделялись на краткие и полные, по способу документирования – на текстовые и стенографические. А. Ларош не владела стенографическими навыками и могла лишь в текстовом режиме фиксировать происходящее на встречах ТЕО, не только не успевая записывать реплики, вопросы, замечания, выступления и справки по ходу заседания, но даже забывая перечислить всех присутствовавших. То есть в итоге у нее не получалась даже вторая – «краткая» разновидность протокола, в которой последовательно фиксируются только фамилии председателя, секретаря, состав присутствовавших, перечень рассмотренных вопросов и принятые решения. Порядок ведения протоколов предполагает, что то, что записано непосредственно на заседании, является черновиком протокола. К сожалению, у Анастасии не получалось ни черновиков, ни беловиков, всем этим Блоку приходилось заниматься самому.

Многочасовые занятия оформлением бумаг вызывают как уважение, так и недоумение по поводу убитого времени гения, «тратившего силы на бесплодные заседания, правку бесчисленных протоколов, на борьбу с равнодушием, неверием, бюрократическими помехами»²⁷. Кроме того, с точки зрения кадрового регламента и профессионального делопроизводства, его можно упрекнуть в «нецелевом использовании кадровых ресурсов», поскольку ведение протоколов – прерогатива секретаря. Но Блок оставался одинаково добросовестным во всем, чем он занимался. А рвение за начатое дело и человеческая порядочность побеждали должностные предписания и иерархию.

Как видим, Блок регулярно, с завидным постоянством и повторами в письмах разъясняет неопытному секретарю его роль и деловые обязанности, систему учета дел, а также суть протокольного жанра, неоднократно напоминая о необходимости записывать важные мысли напротив каждого вопроса,

²⁷ Орлов В. Н. Гамаюн. С. 648–649.

вынесенного на повестку дня; фиксировать принятое решение и лицо, ответственное за его выполнение. Говоря о принципах секретарских обязанностей, он, как водится, доводил их смысл до универсальных принципов жизни и метафизического уровня... Блок ожидал от секретаря не просто грамотного ведения такого управленческого распорядительного документа, как протокол заседаний, но и более ответственного отношения к службе и лучшей организации труда во всем.

Неоднократно Блок напоминал о необходимости регистрации документов, что придает любой поступившей в обиход бумаге официальный статус: «Надо регистрировать отдельно все постановления, требующие практического осуществления. Остальное – лучше записывать в дневниках, а не в протоколах». Кроме того, Блок напоминал секретарю о необходимости учета также всех получаемых художественных материалов, поскольку к ним направлялись пьесы на отзывы: «Надо регистрировать:

1). Все поступающие пьесы с отзывами и постановлениями Бюро.

2). Книги и пьесы (или <нрзб>) и название»²⁸.

Кроме того, Блок дает практические рекомендации, например, в записке от 18 января 1918 г. советует, как избежать повторения одной и той же работы: «Все, и что переписывается на машинке, надо писать в 3–4 экземплярах (сколько возьмет машинка), потому что все это может пригодиться не раз»²⁹. Обращая внимание на несоответствие официальным образцам оформляемых секретарем бумаг, он постоянно разделяет ответственность за это: «Один из главных недостатков наших протоколов – неточность и расплывчатость, отсутствие однообразия, отсутствие формулировок»³⁰. Попутно Блок посвящал Анастасию в тонкости делового стиля и жанра протокола, на конкретных примерах проводя своеобразную работу над ошибками: «Для примера: протокол от 23 декабря: пьесы с простыми постановками – сказать нельзя, надо сказать описательно. Предоставить Москве, переслать Москве – слишком фамильярно. При перечислении пьес

²⁸ Блок А. А. Письмо к Ларош.

²⁹ Блок в театрально-литературной комиссии... С. 198.

³⁰ Блок А. А. Письмо к Ларош.

не указаны часто имена авторов и пр. (протокол прилагаю) – Прилагаю все протоколы с 23 декабря, почти ни с одним словом не могу согласиться, все надо переделать»³¹.

Попутно руководитель поясняет сложившиеся в учреждении правила обозначения документов: «“Основным списком” мы называем большой список пьес, рекомендованных Секцией для постановки на сцене народного театра». Кроме того, Блок контролировал содержательные фактические детали секретарских записей, внося конкретные уточнения: «Об Иванове-Разумнике. Он не редактировал его; редактировал только часть. Кроме того, заявление иначе формулировано (нужна копия)»³².

Скорее всего, педантичность руководителя подействовала на Ларош угнетающе, в связи с чем между ними возникло письменное объяснение. На бланке Театрального отдела Народного комиссариата просвещения 31 января 1919 г. Блок обращается к ней, отвечая на не дошедшее до нас послание: «Многоуважаемая Анастасия Германовна, хорошо, что Вы написали такое письмо, спасибо Вам, нам обоим будет, я надеюсь, после этого легче. Непременно надо было объясниться. Все, что Вы пишете, мне очень понятно, во мне самом, во всех нас много такого, и тяжелого, и изжившегося, и усталого. Давайте опять пробовать от этого избавляться. Мои способы: внутренний – как можно меньше помнить о личных слабостях и трагедиях, а внешний – систематичность (последнее мне свойственно, вероятно, от того, что во мне есть немецкая кровь). Систематичность на первый взгляд отнимает больше времени, а на самом деле – сокращает время. Только сначала придется уделить времени больше»³³.

Несмотря на извинительный тон письма, на солидарное восприятие возникших сложностей, Александр Александрович ни на йоту не отступает от своих требований, рассуждая вновь и вновь о том, как рациональнее организовать трудовой процесс. Например, снова напоминает секретарю его должностные обязанности, говоря о необходимости участвовать в подготовке заседаний («Надо составлять повестку следующих заседаний»)

³¹ Блок в театрально-литературной комиссии... С. 198.

³² Там же.

³³ *Иванова Е. В.* «Систематичность... сокращает время»: письмо А. А. Блока к А. Г. Ларош // *Наше наследие.* 1990. № 6. С. 58.

и правилах ведения и хранения документов уже состоявшегося заседания («Надо шивать все дела в хронологическом порядке»).

Тактично руководитель отсылает к более удачному образцу ведения дел в своем подразделении: «Когда председателем был П. О. Морозов, а “ученым секретарем” – В. Я. Степанов, то был тот порядок, которого я бы очень хотел: Степанов не только составлял повестку всего следующего заседания... (секретарь оглашал их сам, в том порядке, в каком нужно), но и проявлял внутреннюю инициативу (что должен был ученый секретарь, как член бюро). Я и надеялся, что так и будет. Во всяком случае, первая половина необходима: все, что произошло в дни между заседаниями, надо записывать в порядке (но необходимо – разборчиво и аккуратно) по пунктам, говорить мне об этом перед заседанием и подкладывать на заседании (для этого нужен стол, с тем столом, который есть, ничего не выйдет). Очень трудно предусмотреть все мелочи, да и некогда, я надеюсь, что теперь Вы все предусмотрите»³⁴.

Насколько Ларош не справлялась со своими обязанностями, свидетельствуют совершенно очевидные банальные замечания (писать «разборчиво и аккуратно»).

Выдержка Блоку была нужна еще и для сохранения достоинства при необходимости «...вникать во внутренние дразги и терпеть обиды от наезжавшего из Москвы начальства – комиссара Театрального отдела Наркомпроса О. Д. Каменевой, женщины деспотического и вздорного характера. Блок записывает: “Я проверил, сколько труда мною потрачено на секцию, и все – даром”. Энтузиазм его погас. В марте 1919 г. он добился отставки... с чувством досады и разочарования»³⁵. Неосуществленные планы по формированию нового репертуара для советских театров³⁶ и тщетность масштабных усилий подействовали угнетающе. «По приблизительным подсчетам, во время службы в ТЕО, продолжавшейся с 30 апреля 1918 г., Блок посетил более ста заседаний, для которых постоянно готовил выступления, написал несколько статей и докладов, а также большое число ре-

³⁴ Там же.

³⁵ Мочульский К. В. Александр Блок. С. 648–649.

³⁶ Там же.

цензий»³⁷. Несмотря на утомление, нарастающее недовольство явной некомпетентностью Ларош, Блок сохранял уважительный тон в общении со своей подчиненной: «Искренне уважающий Вас Ал. Блок» – неизменная подпись его писем к ней.

Кроме того, прекратив сотрудничать с ТЕО с марта 1919 г., он остался не только в добрых отношениях с Ларош, но и почти по-дружески делился с ней своими размышлениями о сложившейся ситуации, у него не осталось ни раздражения, ни неприязни к бывшей подчиненной. Например, уже как частное лицо он в письме от 9 июля 1919 г. рассуждает о сути редакторских обязанностей: «Спасибо Вам за остатки бывшего “Репертуара”. Их появление было бы для меня поводом отказаться, я бы давно не считал себя устранившимся. Ведь редактором называется тот, кто редактирует, когда же этим начинают заниматься другие, то первый естественно, устраняется»³⁸. Конечно, Блок остался неизменным приверженцем четкого порядка в делах, несоответствие же возложенных обязанностей редактора фактическому положению дела его нарушало, чем он привычно делится с Анастасией.

Как к лицу должностному обращается к ней по некоторым формальным вопросам: «Возвращаю Вам всевозможные материалы – и то, что Вы приносили, и то, что я предполагал делать в дальнейшем. ...Позвольте оставить у себя только: статьи Разумника Васильевича, Книповича, Бакрылова и мою (о Вагнере). Мою вступительную статью к “Театральной хрестоматии”, конечно, тоже не надо печатать. “Работы секции”, статьи “О репертуаре” и рецензии – как захочет секция»³⁹.

Вероятно, как к полномочному посреднику вышестоящего руководства Блок обращается к Анастасии по поводу щекотливых финансовых дел: «Гонорар за свои статьи я взял, если надо, верну. Но нельзя ли считать его покрытым редакторской и корректорской работой, которой было, все-таки, довольно много?» О том, что добрые и дружеские отношения остались как с Ларош, так и другими коллегами свидетельствует финал письма:

³⁷ Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. С. 240–241.

³⁸ Блок в театрально-литературной комиссии... С. 214.

³⁹ Там же. С. 214–215.

«Очень жаль, что Вы не застали меня. Передайте, пожалуйста, мой привет Владимиру Николаевичу и Разумнику Васильевичу. Я все собираюсь зайти в отдел и повидаться со всеми в качестве частного лица. Преданный Вам А. Блок»⁴⁰. Жанр письма, помимо делового, обретает черты дружеского послания. В дни его написания поэт уже воодушевлялся новыми проектами, связанными с деятельностью в издательстве «Всемирная литература» и Большом драматическом театре.

Таким образом, сохранившиеся архивные материалы, протоколы заседаний, редакции стенограмм и пр. помогают восстановить деловой облик Блока-чиновника в достаточной полноте, освящая как его отношение к работе, высокую степень его профессиональной квалификации, так и стиль его контактов в коллективе. Несмотря на рутинную и во многом бессмысленную работу, Блок расценивал делопроизводство как необходимую часть человеческой деятельности, помогающий упорядочивать жизнь.

⁴⁰ Там же. С. 215.